

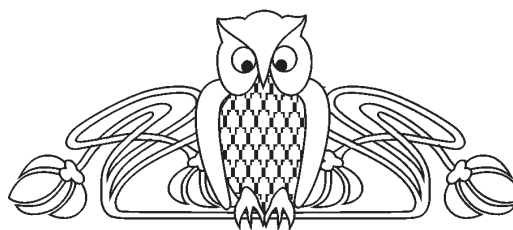

УДК 1:316

ЛИЧНОСТНОЕ БЫТИЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. С. Федин

Саратовский государственный университет
E-mail: dfedin@bk.ru

В статье анализируются категория личностного бытия, аспекты его генезиса и соотношение с процессом институционализации. На основании классических и современных исследований философской мысли по этой тематике автором предлагается рассматривать процесс конструирования и установления личностного бытия с позиций институциональных матриц, обуславливающих стратегию поведения личности в обществе.

Ключевые слова: личностное бытие, личность, человек, институционализация, институциональные матрицы, общество.

Personal Being: Institutional Analysis

D. S. Fedin

In article analysis of personal being is given. Some aspects of personal life genesis and correspondence to the institutionalization process are considered. Author suggests to consider process of designing and establishment of personal being from positions of the institutional matrices, causing strategy of behavior of the person in a society.

Key words: personal being, person, human, institutionalization, institutional matrixes, society.

С развитием социально-философской мысли периода постмодернизма актуализировался ряд направлений в теории институционализации, и в частности институционализация личностного бытия. Несмотря на достаточную разработанность понятий «личность» и «бытие», проблема их соотношения, на наш взгляд, является актуальной. Необходимость философско-методологического анализа обозначаемой проблемы связана с тем, что процесс институционализации затрагивает не только дисциплинарные темы социального бытия общества в экономике¹, политике, образовании, но и субстанциальные формы бытия человека. В рамках процесса институционализации поведение субъектов далеко не всегда определяется институциональными нормами: чаще всего доминирующими выступают формально-организационные установки общества. Это и является одним из препятствий для реорганизации и модернизации институционального пространства общества. В условиях современного российского общества дифференцированная деятельность институтов не может в полной мере раскрыться с позиций техногенных факторов. Причиной этому служит узкая субкультурная направленность общественного процесса, а также жесткое регулирование специальных деятельностных инициатив общесоциальными нормами. Все это не может не свидетельствовать о необходимости пересмотра

институциональной политики общества, такой анализ будет более эффективным, если его объектом станет личностное бытие, а предметом – процесс его институционализации. Исходя из такой оценки институционализация представляет собой процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна удовлетворить запросы человека информационной эпохи. Формирование динамичной институциональной структуры выступает заменой спонтанного поведения индивидов на предсказуемое, которое ожидается, моделируется, регулируется. Так, институциональная форма поведения позволяет минимизировать риски в обществе, а также стабилизировать жизненный путь личности.

При нарушении в функционировании механизмов институциональной структуры устойчивое существование любого современного общества невозможно, об этом свидетельствует совершенствование моделей поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, позволяющее осуществлять социальный контроль. Поскольку понятие «личностное бытие» является междисциплинарным, на наш взгляд, целесообразно проанализировать именно его социально-философское толкование. В. Е. Баранов предлагает различать модусы личностного бытия как феномены: доиндивидуального бытия – внушаемость, эмпатия, эмотивность, благоговение; индивидуального – индивидуализм, своекорыстие, одиночество, самоутверждение, самореализация, психологическая самозащита, достоинство, честь, страх, хаотичность произвола; личностного – самозабвение и озабоченность проблемами общества, системы; историческое и природно-эволюционное самосознание, разумное диалектическое мышление, метафизические (сверхэмпирические) чувства – нравственное, эстетическое, свободы, истины, истории, органической эволюции, любви². Такой подход к проблеме личностного бытия во многом объясняет множественность дефиниций данных категорий и представляет собой материал для выявления теоретического статуса личностного бытия. Обратимся к понятию личности. В философской традиции одно из первых определений личности предложил Бозций: «Лицо есть индивидуальная субстанция разумной природы»³. Философ полагал лицом, или личностью «неделимую» субстанцию природы. Позднее

средневековый теолог Ришард Сен-Викторский определил личность как «несообщаемое существование разумной природы», чем оспорил её неделимость и единство и подчеркнул её внутреннюю идентичность. Индивидуальность как главное свойство личности рассматривали многие мыслители. Д. Юм усматривал сущность личности в «способности самоощущения своего Я»⁴, а И. Кант считал, что личностью становится тот человек, который «может обладать представлением о своем Я»⁵. С. С. Батенин отмечал, что «при определении личности как социальной единицы надо помнить замечание Маркса о том, что “человек как личность” – понятие более строгое и точное, чем понятие “личность”. В первом понятии “личность” – это характеристика человека, всегда конкретного и качественно определенного в своих социальных чертах. Во втором понятии “личность” – это абстракция, синтезирующая определенные социально значимые качества социальной группы»⁶. Соглашаясь с С. С. Батениным, считаем необходимым дополнить, что личность в данной аналитической статье позиционируется как одна из центральных категорий построения социального бытия, поэтому употребление этого термина в качестве характеристики человека не представляется возможным. Для М. М. Бахтина личность представляет собой бытийственный центр, а бытие – это в том числе и сосуществование и взаимодействие таких центров⁷. Становится очевидным вопрос о структуре такого взаимодействия, но, прежде чем обозначить аспекты формирования и становления личностного бытия, необходимо вслед за категорией субъективного – личностью – рассмотреть категорию объективного – бытие для выявления определения в контексте данной тематики.

Определение бытия в контексте процесса институционализации осложняется рассмотрением его через призму социального, не лишая статуса онтологической категории. В этой связи, согласившись с Н. М. Солодухо, в качестве рабочего определения бытия мы примем его толкование как существующей реальности или всего реально существующего⁸. Во взаимодействии с личностью, таким образом, бытие выступает как поле для социального взаимодействия личностных центров. Личность в свою очередь является единицей социального бытия и, выступая его частью, относится к нему как целому. Полагая такое отношение приоритетным, мы выделяем инструмент для структурирования таких личностных бытийственных центров, т. е. личностного бытия – процесс институционализации. Личностное бытие здесь – со-бытийность, со-причастность человека Бытию, которое является всеобщим и всеобъемлющим. Л. А. Коган пишет, что именно через человека происходит переход бытия из состояния «в себе» в состояние «для себя» – оно становится в полной мере самобытием, адекватным своей сущности. Бытие, с которым мы имеем

дело, в котором существуем, – это чеверо-мироотношение⁹. Об этом же пишет М. М. Прохоров, определяя отношение человека к бытию третьим уровнем бытия. Всего таких уровней исследователь выделяет три: первый подразумевает бытие как вещьность, второй как свойства и атрибуты вещей, третий уровень, который выступает наиболее сложным структурным модусом бытия, представляет собой отношения человек – бытие и бытие – человек. Интерес представляет положение, согласно которому нормальным состоянием человека является бытие, которое должно быть создано им самим и которое соответствует его создателю¹⁰. Проецирование проблемы смены состояний бытия на сферу социального позволяет в определенной мере говорить об институционализации как явлении, позволяющем созидать и утверждать новые модусы человеческого бытия. В связи с вышеобозначенным институционализацией личностного бытия представляет собой процесс выстраивания внутреннего и внешнего мира человека в смыслообразующую систему. В данном случае субъектом выступает личность как актор, объектом подобных трансформаций – личностное бытие.

Личность, участвуя в процессе социализации, вовлекается в институты общества, которые регламентируют правила и нормы поведения, выполняют роль посредника в отношениях между людьми, но человек здесь обладает первичной субъектностью, а институт – вторичной. Тем не менее, выполняя важную социальную функцию, институты, по мнению В. М. Быченкова, «гипертрофируют и уродуют личность посредством латентного принуждения и провоцируют односторонность развития»¹¹. Закрепление за личностью и регламентирование её определенной социальной роли способствует стабильному функционированию общества как единого механизма, с одной стороны, с другой стороны, отсутствие мобильной ротации и возможности разностороннего развития создает условия для выведения личности из равновесного состояния и потери ее индивидуальности. Подобные аспекты функционирования приводят, на наш взгляд, к рождению двух поведенческих тенденций в обществе:

– непосредственное вступление в институт общества с добровольным или принудительным принятием существующих норм, правил, предписаний и законов (объективное участие);

– создание или проектирование собственной институциональной структуры и действие в соответствии с личностными принципами (субъективное участие).

Необходимо отметить, что если первая тенденция является проявлением «внешнего», рассудочного мышления, то вторая относится к области внутреннего, рефлексивного, или разумного. В этой связи полезны выводы Е. В. Баранова, который полагает, что индивидуальное бытие индивидуалистично и рассудочно, личностное же – разумно,

опосредствовано нравственностью и эстетизмом, духовно. Согласно точке зрения исследователя, индивидуальное бытие способно к трансформации в личностное. Мы же полагаем, что сам процесс выстраивания личностного бытия в духе одной из тенденций соответствует институциональным матрицам, которые носят фундаментальный характер. Они являют собой прежде всего степень естественной предрасположенности социального актора к возможным преобразованиям личностного бытия. Подобную структурную детерминацию личностного бытия оспаривает Ч. Х. Кули и полагает, что влияние наследственности на формирование личностного бытия аналогично влиянию социальных предпосылок – таких, как различие в языке, семейный уклад, образование и профессия¹². Напомним, что в своем исследовании мы исходим из онтологической природы институциональных матриц и видим установление структуры бытия личности в последовательной реализации одной из двух поведенческих стратегий. В этом плане обращаем внимание на взгляды Е. А. Рыбалки, которая считает, что в отношении к личности пространственные структуры образуют особую трехуровневую иерархию: первый уровень – внешнее для бытия индивидов социальное пространство, формирующее субстанциальные качества личности; второй – мезопространство больших и малых групп, где проявляются коллективные механизмы социального мышления субъектов. На третий уровень выходит индивидуальное пространство, отличающееся автономными поведенческими стандартами, индивидуально освоенными ценностями, образующими идеальное пространство личностной идентичности. Крайний уровень, по ее мнению, формирует пространственную ось индивида, позволяющую сохранить устойчивые качества личности, закрепить ее индивидуальность¹³. Подобная функция, на наш взгляд, отражает процесс институционализации личностного бытия. Несмотря на многогранность данного процесса, полагаем, что личность как со-причастная бытию единица способна на самостоятельный выбор варианта развития и построения структуры личностного бытия, но в соответствии с естественной предрасположенностью на первоначальном этапе ограничена институциональными матрицами:

– *матрица рассудочного познания* подразумевает выстраивание личностного бытия в соответствии с внешними тенденциями и приоритетными направлениями в социальной, экономической и политической сферах общества;

– *матрица разумного познания* подразумевает выстраивание личностного бытия в соответствии с внутренними предпочтениями и приоритетами, в малой степени зависимыми от социальной, экономической и политической сфер общества.

Генезис подобной демаркации восходит к фундаментальной проблеме философии – про-

блеме отношения бытия и небытия, полагая бытие тем, что непосредственно дано и воспринимается реально существующим вне зависимости от человеческого восприятия. Как упоминалось выше, личность в силу своей уникальности способна выйти за пределы индивидуальности. Как правило, такой процесс трансцендирования может быть продиктован обществом и осознаться как предмет собственной заинтересованности и озабоченности. Тем не менее возможность создавать, опредмечивать «небытие» и воплощать его в бытие является функцией личностного начала. К проблеме метаморфоз бытия и небытия обращался М. С. Каган, который полагал, что они проявляются весьма различным образом при их рассмотрении в разных конкретных аналитических контекстах. При этом крайне важно, по его мнению, не переносить то понимание содержания бытия, небытия и характера их взаимоотношений, которое свойственно одной форме бытия, на другие – бытия общества на бытие личности¹⁴. Приведенный анализ показал, что процесс становления социального бытия непременно включает в себя проектирование и формирование институционального пространства, которое выполняет регулятивную функцию в обществе. Практика жесткого контроля, в свою очередь, негативно влияет на личностное бытие, которое не может в полной мере раскрыться из-за возникающих структурных противоречий. Для решения проблемы амбивалентности личностного бытия необходимо исследовать её на коммуникативном уровне и рассмотреть возможность диалога конфликтующих элементов.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 02.740.11.0592)

Примечания

- ¹ В экономической теории наблюдается тенденция сравнительного анализа «человека экономического» и «человека институционального», отмечают направленность целей первой группы на максимизацию материальных благ, а второй – на упрочение своего положения и статуса в обществе (см.: Федотова В. Г. Человек в экономических теориях : пределы онтологизации // *Вопр. философии*. 2007. № 9. С. 20–31).
- ² См.: Баранов В. Е. Система и личность // *Философия и общество*. 2008. № 2. С. 99–112.
- ³ См.: Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1996. С. 141.
- ⁴ См.: *Антология мировой философии* : в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 361–389.
- ⁵ Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 337.
- ⁶ Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976. С. 129.
- ⁷ Бахтин М. М. К философии поступка // *Философский портал*. URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html> (дата обращения: 29.08.2011).

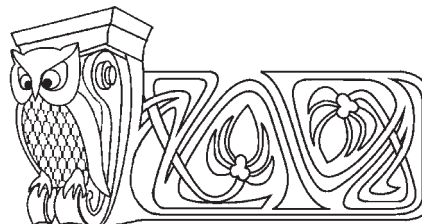
- ⁸ Солодухо Н. М. Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопр. философии. 2001. № 6. С. 176–184.
- ⁹ См.: Коган Л. А. Закон сохранения бытия // Вопр. философии. 2001. № 4. С. 56–69.
- ¹⁰ См.: Прохоров М. М. Бытие и уровни его определения // Философия и общество. 2008. № 4. С. 24–44.
- ¹¹ Быченков В. М. Институты : сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. М., 1996. С. 380.
- ¹² См.: Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 19, 36.
- ¹³ См.: Рыбалка Е. А. Пространства самореализации личности : опыт философской концептуализации // Философия права. 2008. № 3. С. 92–96.
- ¹⁴ Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия. К постановке вопроса // Вопр. философии. 2001. № 6. С. 52–67.

УДК 001.8

СХЕМЫ В ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ

Д. И. Филатов

Саратовский государственный университет
E-mail: d_filatov87@mail.ru

Статья посвящена анализу статуса схем и выражающих их графических изображений, используемых в общей методологии. Рассматривается соотношение пространственных изображений и динамического содержания, выражающихся схемами. Проводится анализ статуса схематизации в общем ряду познавательных способностей человека и соотношения схем с эмпирическими данными и теоретическими конструктами. Через анализ тех стратегий, которые предлагаются исследованиями в общей методологии, производится соответствующий анализ адекватности и релевантности выражения схем графическими изображениями. **Ключевые слова:** методология, научное знание, схемы, графические средства.

Schemes in General Methodology

D. I. Philatov

This article is devoted to analysis of status of the schemes and expressing their graphic images in general methodology. The correlation of spatial images and dynamic content can be expressed by schemes. The analysis of the status of schematization in the overall number of cognitive abilities, and the relation schemes to empirical data and theoretical constructs is given. Through the analysis of strategies that offers general methodology's researches the appropriate analysis of adequacy and relevance of the expression patterns graphics is given. **Key words:** methodology, scientific knowledge, schemes, graphic schemes.

Рассмотрение вопросов схем и схематизма, как это хорошо известно, было инициировано известным немецким философом И. Кантом. В своём основополагающем труде «Критика чистого разума» Кант отводит этим вопросам целую главу¹. При этом не может не обращать на себя внимания особая функциональная нагрузка схематизма, вписанного в систему познавательных способностей человека: уже самим Кантом эксплицитно указывается, что схемами *координируются* категории разума и эмпирические данные чувств.

Такое «представление должно быть чистым (не заключать в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой – чувственным»². В соответствии с учением Канта именно схемы лежат «в основе наших чистых чувственных понятий»³ и только схематизм открывает условия возможности достижения синтетического единства умопостигаемого и чувственного миров. Развитию вопросов данного круга посвящены разработки известного российского методолога, философа и системного аналитика Г. П. Щедровицкого и участников созданного им Московского методологического кружка (ММК).

Исследователи предпринимают попытку синтеза и интеграции различных, как кажется, разделённых, по сути, подходов в изучении схематической активности сознания, отвечающей за целостность последнего, его упорядоченность и связность. Вместе с тем грубой ошибкой нам представляется попытка использования *графических изображений* в качестве средства фиксации и трансляции чистого динамического содержания схем – «рассудочных понятий». Данная статья посвящена анализу этой ошибки и поиску путей её исправления, исключающих использование каких-либо графических схем.

Итак, авторы исходят из того, что «фактически каждый объект задан через движение по нему»⁴. Логика этого движения, направление по материалу определяются либо соответствующей схемой, либо природой материала. Считается, что так называемый *естественный*, или же «повседневный опыт интерпретирует наблюдения, ибо без теоретической интерпретации наблюдения остаются слепыми – неинформативными»⁵. В этом контексте традиционно принято говорить о так называемой *теоретической нагруженности*